

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses on black, stylized branches with small leaves. The roses are in various stages of bloom, from buds to fully open flowers. The branches are thin and elegant, curving across the page. The leaves are simple, pointed shapes.

Владислав Чай

Двор

16+

Владислав Андреевич Чай

Двор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649469

SelfPub; 2019

Аннотация

Обычный человек случайно попадает в обычный двор обычного города. Его встречают люди. Настоящие люди. Автор благодарит Большой проигрыватель за всю оказанную помощь.

Пасмурным мартовским вечером Саша потерялся в улицах. Он ничего почти не видел, ему было очень плохо, он прошел мимо знакомых зданий, деревьев и фонарей – и вышел к незнакомым.

Потом прошел под аркой, на которой крошился прошлогодний плющ, оказался в закрытом со всех сторон дворе, где не было ни машин, ни людей – уже пришла ночь. Один фонарь светил оранжевым, но и без него было бы светло.

Саша, задыхаясь от тоски, посмотрел на синеватую вату облаков. Вата дышала, как океан. Саше стало легче, он сел на зеленую скамейку и задремал, измотанный пятичасовой ходьбой. Ему снились высокие микрорайоны, детские площадки, белый свет в руках сестры. Орала рты динамиков. Перед ним крутилась на вертеле новостная лента, он кидал к ее ногам свое сердце, потом снова ставил его на место и снова вырывал... Так было всю ночь, потом его выкинули из клуба и он проснулся.

Светало. Облака ушли. Саша обнаружил себя на той же скамейке у стены цвета грязного кофе. Ему было холодно. Тогда он встал и попрыгал на одной ноге, выскочил под солнечные лучи и осмотрелся: это был квадратный двор с одним выходом. Саше показалось, что он вошел вчера с другой стороны. Дома, составляющие двор, были не выше четырех этажей. Посередине стояла беседка и росли деревья с широкими кронами. Машина здесь даже и не могла бы проехать.

Саша потянулся за телефоном, но вспомнил, что выбросил его в реку. Он уже оправился от вчерашнего потрясения, и только недоумевал.

Через минуту он бы опомнился окончательно, прошел бы в арку и нашел бы дорогу домой, но дверь одного из подъездов открылась. Скрип.

Вышла девушка, совсем молодая, лет девятнадцати, может. Русые волосы были собраны в аккуратный пучок, она носила белое платье с цветами и серьги с аквамаринном, двигалась аккуратно и даже ласково, у нее были белые маленькие руки, она не красила ногти, она была стройная и красивая – Саша удивился, он таких почти не видел.

Девушка тоже удивилась. В это время здесь обычно никого не было. Через десять минут должен был пройти Учитель, он всегда рано поднимался и шел гулять. Но в шесть еще никого не было, а Саша стоял и смотрел, и молчал.

Она серьезно спросила:

– Вы чего тут?

Саша не знал, с чего начать.

– Я... Я заблудился.

Красавица наклонила слегка голову и внимательно посмотрела на Сашу.

Это был худой человечек с некрасивым пористым лицом. Он носил старую черную куртку, сутулился, а глаза у него были большие и слегка затуманенные, но не злые и не пу-

стые. Челюсть его чуть выпирала вперед, он будто бы был постоянно испуган и смущен чем-то. Саша болел душой и телом.

Девушка строго спросила:

– Как вас зовут, молодой человек?

Саша не заметил, что ее бирюзовые глаза смеялись. Он вообще боялся смотреть людям в глаза. Почти прошептал:

– Саша...

– Понятно.

– А вас?..

– Мария.

Она прошла в беседку, включила самовар в розетку и села за стол. Потом потянулась, и в свете солнца ее платье было золотым, и Саша в этот момент почти влюбился, а точно не влюбился потому, что не позволил бы себе этого. Она вдруг посмотрела на Сашу и сказала с улыбкой:

– Идите сюда, будем чай пить.

Он подошел, сел напротив нее, ему было очень неловко. Она все улыбалась. Закипел самовар. Мария выключила его, насыпала в чашки листовой чай, потом залила кипятком и накрыла их полотенцем. Тут была еще и третья чашка. Саша все думал, о чем спросить: о том, что самовар электрический, или о третьей чашке? Мария сказала:

– Да, электрический, раньше был настоящий. А Лев Васильевич сейчас подойдет, не сомневайтесь...

Саша опешил.

– Как же вы узнали, что я хочу спросить?

Он осмелился посмотреть на нее. Мария засмеялась.

– По вам все понятно: вы что подумаете, о том и молчите.

Она смеялась, из глаз ее бирюзовых лился свет, и сама она была в свету, потому что солнце обнимало весь двор, и беседку, и Саша влюбился, точно влюбился... Тут скрипнули двери. Мария встрепенулась, засуетилась. К беседке шел человек мрачной наружности. У него были усталые,

черные почти глаза, а движения все были медвежьими, тяжелыми, и походка такой же. Он был, однако, молод.

Зашел в беседку. Саша понял, что это высокий и наверняка сильный человек. Солнце на нем гасло.

Он тяжело дышал, очень задыхался. Мария усадила его за стол, что-то защебетала, подвинула к нему чашку. Человек тяжело вздохнул, жестом заставил девушку сесть и сказал:

– Смотрите.

И Саша увидел:

Почки на деревьях,

Летящего воробья,

Пар над чашками,

Глаза Марии,

Рассветную зарю,

Солнце, бегущее по равнинам стола.

И многое еще...

Когда он опомнился, то увидел, что человек уже пьет из чашки большими глотками, а Мария внимательно и тревож-

но смотрит на него, будто бы он нуждается в помощи и в любой момент может умереть.

Человек допил чай и вдруг протянул Саше руку.

– Лев.

– С-саша...

Этим Лев Васильевич ограничился. Когда Саша жал ему руку, то на секунду посмотрел в его глаза. Они были бы добрыми, если бы не было в них волчьей привычки хорошего, но измученного человека.

Звенела ложка. Мария размешивала сахар. Она посмотрела на Льва и произнесла с гордостью:

– Лев Васильевич – учитель...

– Дворовый. Дворовый учитель без диплома.

– Зато тебя дети любят.

– Десять человек. Мог бы больше.

– Да и это благо.

Мария взглянула на Сашу.

– Вы не поняли?

Саша пожал плечами.

– Хорошо. Смотрите, Александр, Лев знает литературу лучше всех в этом городе...

Лев хмыкнул. Мария бросила на него гневный взгляд, но он даже не посмотрел на нее – его черные глаза смотрели в пустоту, лицо напоминало больше маску.

– Это мое мнение. Я считаю Льва Васильевича гением в учительском деле... Но диплома у него нет. Поэтому он учит

детей во дворе, потому что мы тут все друг друга знаем...
Вот.

Она закончила, отвернулась от Льва и стала наблюдать за воробьями. Птицы уже давно пели, шума машин еще почти не было слышно, особенно здесь, далеко от центра...

Саша попытался отпить из чашки, но было еще очень горячо. Учитель чай уже выпил. Саша спросил о другом:

– А почему же нет диплома?

– Потому что много спорил. Приглашаю тебя, кстати, к себе. Ты неплохой.

Лев улыбнулся, поднялся из-за стола и ушел в арку.

Саша посмотрел на Марию. Спросил:

– Почему он так? И что это значит?

Девушка отпила из чашки и пожала плечами.

– Невыносимая тяжесть русского ума, наверное. А раз вы приглашены, то добро пожаловать.

Саша поселился в комнатах бабушки Нины, на том же самом этаже, где жили Лев и Мария. Это были удивительные люди, жильцы этого двора. Таких Саша почти и не встречал в своей жизни, и постоянно теперь удивлялся. Впрочем, прошло уже две недели с того самого утра.

Бабушка Нина очень вкусно готовила, на кухне ее висели пучками травы, стояли на полках банками соленья, в резных

ларцах прятались камни, цепочки, карты, порошки и колбочки. Она учила дворовых девчонок вышивать, вязать, рукодельничать, иногда играла и пела романсы, и мальчишки даже шутили: "баба Нина с пианино". Ее пианино было добротным, из красного дерева невесть когда сколоченным, и бабушка всегда хвасталась, что все нотки на месте. У бабушки были добрые, черные почти глаза, седые, но пышные волосы, еще она носила длинные черные платья. Саша крайне удивлялся тому, что в этом дворе все семьи, все люди друг друга знали, отщепенцев не было, и даже Лев, удивительно мрачный по утрам и поздним вечерам, хорошо общался со всеми и не прятал своего сердца. Детей во дворе было двадцать, включая совсем маленьких и почти уже взрослых. Степень родительского доверия поражала. За ребятами, казалось, никто не следил.

Но из окон всегда смотрели сердобольные бабушки, дети постарше, реже – родители. Никто толком не мог объяснить, откуда в критические моменты появлялась Мария. Не раз она разнимала дерущихся, спасала падающих, утешала рыдающих. Часто ее и детей можно было увидеть в беседке. Там она читала вслух, и в эти моменты была, по мнению Саши, красивее всего.

Лев Васильевич учил детей читать и писать, думать, понимать мир. Его любили, но из уважения боялись. Он никогда не повышал голос, никогда не говорил резко и грубо, но всех провинившихся в том или ином деле ребят всегда отводили

к нему их суровые отцы или расстроенные матери. Лев знал, что такое Слово и умел влиять.

Мария была намного добрее. Дети ласково называли ее сестричкой, Мариночкой, Машенькой. Она никогда не возражала. Только смеялась:

– Что мне имя мое? Разве я без других есть?

Помимо бабушек, дедушек и детей были еще и взрослые: люди все рабочие. Утром они проходили в арку, вечером возвращались, уставшие, но довольные. Их провожали и встречали дети, без разницы, свои или чужие. Нередко детям приносили дыни, арбузы, фрукты или ягоды, раскладывали это все в беседке и шли отдыхать в квартиры... Сейчас тепло, стали выходить на балконы. Лев Васильевич иногда в беседке играл на гитаре и пел с Марией старые и новые песни. Саша таких никогда не слышал, или слышал, но совершенно случайно, секунд десять, потом выключал аудиозапись и включал кого-то еще, посовременней. Он, впрочем, не был виноват, что его вкус сформировался в четырнадцать лет весьма никудышным образом.

На эти концерты сходилась добрая половина двора. Голоса у Льва и Марии были чудесными, и прекрасно друг друга дополняли. Звучала музыка, лишённая злобы, это были песни, отражающие мир, а не человека, песни, имеющие одну общую идею, и ничего более. Этой идеей была любовь, вроде любви к полевым цветам или майскому небу, или к медной нитке паутинки или к изменчивой тени кроны дерева, или

даже к человеку...

А в Сашином микрорайоне все было не так. В своей двадцатиэтажке он не знал даже и соседей по этажу. Их, впрочем, было очень хорошо слышно сквозь тонкие картонные стены. Иногда по ночам он слышал крики и стоны. Тогда обычно долго не мог уснуть, и смотрел в окно, где были подъемные краны и высотки. Если совсем мучила бессонница, он листал новости, и информация сплошным потоком вливалась в него. Потом уже засыпал, и снилась какая-то дрянь, и хотелось покоя, но его не было, а утром из-за стены были звуки каких-то видео и клипов, которые смотрела сестра. Сестра любила поток, ей нравилось знать всё. Поэтому она ничего не знала. Часто посмеивалась над Сашей, который пытался ей что-то посоветовать или чем-то помочь. Обычно в такие моменты он срывался, весь дрожал от злобы и непонимания, его рот открывался, и слабым, битым голосом он обвинял ее во всем, она снимала видео и смеялась, у него было смешное лицо. Света была на год старше брата. В квартире кроме них еще жила мать. Отец умер. Сашу не искали.

Сейчас он помогал бабушке Нине. Помог провести генеральную уборку, помыл окна, научился готовить борщ. Еще Саша рассказывал старушке об увлечениях и занятиях своего поколения. Его удивило, что не только бабушка Нина, но и Мария, и Лев, и даже дети относятся к современным технологиям с неприязнью.

В один из дней, когда барабанил по окнам первый апрельский дождь, теплый и нежный, Саша и Лев Васильевич сидели на одной из кухонь.

– Почему так?

– Потому что в одном светящемся прямоугольнике больше, чем в библиотеке. Больше, чем на кладбище. Больше, чем на помойке. Это нельзя контролировать. Я научил всех, чтобы и не касались.

– Разве это правильно?

– Ты мне сам рассказывал про сестру.

Саша посмотрел в окно, на дождевые капли, на молодые листочки, на плачущее от счастья небо, и понял, что ему наконец-то хорошо. Он изменился за последнее время. Стал улыбаться. Перестал сутулиться. Учитель как-то раз сказал: “внешнее и внутреннее связаны”. Саша поверил.

Ему действительно было легче. Он улыбнулся учителю.

– Потому и хорошо, что нет у тебя ничего, кроме мира и мыслей. Чистых. Ты со мной говоришь, с Марией... Не с проекцией, а с сутью. И никаких тебе пустот. Только жизнь.

– Как ты читаешь мысли?

– Я учитель литературы.

Помолчали. Вскипел чайник. Пришла Мария, разлила кипяток по чашкам. Стали пить. Саша заметил, что все еще не включили свет, и кухня Льва была так ласково пасмурна, так тонко грустна с этими старыми шкафчиками и белой скатертью, что хотелось отсюда не уходить.

На столе было два куска брусничного пирога от бабушки Нины. Один Лев отдал Саше, другой разделил пополам между собой и Марией. Саша хотел предложить разрезать по-другому, но Лев остановил его мягким движением руки.

– Ты молодой и слабый, тебе сила нужна, ешь. Мария моя следит за фигурой, и я только потому вообще ем. Мне много не нужно.

Саша вдруг понял, что Мария для Льва Васильевича не сестра и не дочка. Он даже не мог себе позволить каких-то надежд на более чем дружеское с ней общение, но теперь совсем расстроился.

Лев был достаточно деликатен, чтобы не обращать на это внимание. Продолжил тему:

– Пирог вкусный, спору нет, но потому здесь всего два куска, а не десять: от десяти было бы дурно. Так же и со знанием. Лишнее знание выедает мозг и мучит нервы, поэтому я читаю только настоящие книги, слушаю только диски или пластинки, говорю только вживую. Мне, Саша, удивительно ясно и просто днем.

– А ночью? А по утрам? Ты очень мрачный в это время.

Лев поднялся и вышел.

Темнело.

Хлопнула входная дверь.

Мария вздохнула. Долила из чайника в чашки. Посмотрела с укором на Сашу. В этот вечер она была одета в черное платье в белый горошек, а волосы распустила. И была очень

красива.

– Саша, ну зачем же вы спросили?

– Я все же хотел бы знать... Я ему многое рассказал о себе.

– Он не любит о своих проблемах.

– Проблемы по ночам? У Льва Васильевича?

Мария посмотрела в глаза Саше. Отвела глаза. Нехотя ответила:

– Ему снятся кошмары.

После поднялась и тоже вышла. Из окна Саша видел, что она прошла сквозь арку, сквозь ту самую, куда каждое утро пропадал Лев Васильевич, и в которую уже две недели не проходил Саша. Мир внутри двора был, как ни странно, намного больше, чем внешний. До того у Саши была только квартира с голыми стенами в новостройке, пуповина к университету из двух автобусов и унылое здание с потерянными людьми.

Саше вспомнилось это. Потом он вдруг подорвался и, спустившись, побежал к арке, за Марией и Львом. Но по дороге его окликнули.

То был Гришка, заика. У него всегда слезились глаза и был насморк. Он кормил всех дворовых кошек, которых было по числу детей – чуть больше десяти, с приходящими с других мест. Гриша носил всегда бордовый свитер, а поверх него, если было холодно, плотную кожаную куртку, которой было очень много лет... Он сутулился, был низенький, и смотрел всегда так ласково, что хотелось либо расплакаться, либо

убежать, потому что не могло быть, чтобы на человека так хорошо смотрели.

– С-саша! П-помоги надеть ошейник! П-п-пожалуйста!

Он, улыбаясь, показал Саше черный ошейник от блох, указал на серенького худого кота с любопытной мордой.

– Ч-чешется! Несчастный...

Саша хотел было побежать, но все же подошел к Гришке, кивнул ему и взял кота, чтобы не дергался. Гриша трясущимися руками нацепил коту ошейник, выпрямился и выдохнул.

– Н-ну вот... Все. С-спасибо!

Но Саша уже бежал к арке, надеясь догнать Марию и Льва. Однако не смог: в проходе он столкнулся с дядей Колей, слесарем. Тот, едва не выронив чемоданчик с инструментом, топнул ногой и схватил Сашу за руку.

– Не лезь! Эти сами разберутся, к чему ты им... Пошли лучше, поможешь.

Саша понял, что он и вправду бежал без цели, а из одной только любви.

Они с дядей Колей были на крыше. Слесарь ставил заплатки и все ругался.

– Еще три года без ремонта... Все сами. Дом-то, правду тебе говорю, развалился бы уже, если бы не мы. Я на работе

подчас меньше делаю, понимаешь, а они говорят, не время ще... Люди-то тут хорошие, да как живем! Леву жалко...

Саша не слушал. Он то смотрел в чашу двора, то на город, то на небо, и дивился тому, как же это красиво было. Шел мелкий дождь. Зеленели кроны. Этажом ниже, из окна, тихо звучал проигрыватель.

– ...Растет эта дрянь, растет, душит его, давит, каждую ночь, оттого и смурной ходит, потому что ей дышит...

Саша вздрогнул.

– Марией?

Дядя Коля резко распрямылся и с недоумением посмотрел на Сашу. На самом деле он взял его с собой не потому, что не мог залатать в одиночку, а потому, что наверху скучно.

– Какой Марией! Ты слушаешь вообще, нет? Плесень его душит, говорю! Там плесени вагон, и ему от нее дурно, он не спит толком... А куда переедешь? Он там берет немного с репетиторства, куда утром ходит, или вечером, ест что бабушка приготовит, квартиру едва держит, от родителей у него. А что? Ругать? Да мой Петька от него столько знает, сколько я не знаю, я ему говорю, что трудиться полезно, а он все отнекивается, а Лева сказал один раз, и все, не сын, а золото...

Саша дальше не слушал. Он вспомнил, что Лев действительно задыхался по утрам. Кошмары, конечно, оттуда же, и бессонница, и тяжелые мысли, и черный измученный взгляд, и эта угрюмость тяжело больного человека... Саша знал, ка-

ково тем, кто ночью не спит.

Он стоял на краю крыши, смотрел на город. Лучи солнца прошивали дождь. Там, в других домах, высоких и низких, старых и новых, жили совершенно незнакомые друг другу люди, бродила молодежь, рожденная этой безобразной реальностью киберпанка, сидели старики, старухи и калеки – просили милостыню, и бродили поэты, музыканты, писатели, иногда очень скучные и пошлые люди... ездили черные джипы, упитанные люди в пиджаках вылезали из этих джипов у дверей аптек и пропадали в подпольных заведениях, извивались ленты экранов и касс супермаркетов, и что только не лилось в стаканы и рюмки, а потом в глотки, приколачивал некий мигрант градиентную вывеску "Анастасия", росли огромные поганки в двадцать этажей...

Саша посмотрел назад.

Всю эту ночь что-то тревожило его. Перед сном он говорил с бабушкой Ниной о Льве и его недуге. Она отвечала, что все знают, и что предлагали даже переселиться ему, поменяться с кем-то квартирами, а он отвечал, что никому не пожелает этого, что даже здорового плесень травит, а он больной, и пусть больной и страдает, как ему природа предназначила. Мария отвечала, что от него никуда не уйдет, хотя сама уже начинала задыхаться. Плесень пробовали травить. Она

вырастала снова.

Все это было в конечном итоге терпимо. Все привыкли, а главное – привык Лев. Стали замечать, что он даже любит эту плесень, будто бы она дает ему знание... По ночам он задыхался, Мария плакала.

Сегодня Саша не мог уснуть, как тогда, месяц назад, когда он встал, оделся и вышел, и блуждал по городу в поисках чего-то, будто пьяный или безумный, ему тогда все мерещились равнодушные глаза сестры и какие-то обезьяны в кепках и кроссовках. Сейчас было не так: он уже месяц читал только книги и не знал, что происходит в мире, ему было так приятно здесь, в этом доме, будто бы он здесь давно жил, а теперь вернулся, и все его ждут. И бабушка Нина приняла его как родного внука, и все были к нему добры, хотя он был всего лишь дурнем, и сам это понимал, он точно знал, что заслуживает только насмешки, потому что он – достаточно умный, чтобы не делать плохого, и недостаточно сильный, чтобы делать хорошее. Лицо его было противно: на нем отпечаталась жгучая жажда внимания, а когда он это внимание получал, то не знал, что с ним делать, и смотрел куда-то прочь, неумело улыбаясь, или становился до ужаса тщеславен и вальяжен, и в такие моменты был еще хуже... Саша знал это все, и Лев учил его, тоже учил, как ребенка, и Саше становилось легче.

Ему ничего сейчас не мерещилось, только билась какая-то мысль, и он не мог ее понять, высказать, наконец вскочил,

накинул футболку и побежал наверх, в квартиру Льва.

Он судорожно застучал, ему открыла Мария, было уже поздно, но она будто не спала – была в платье, в белом платье с цветами. Саша понял, что она плакала.

– Ему совсем плохо...

– Мария!

Саша захотел обнять ее, но сам устыдился своей мысли и только прохрипел:

– Где он?

Мария провела его мимо кухни, мимо гостиной, в третью комнату, открыла дверь, и на Сашу бросилась огромная черная плесень ростом в два метра, он вскрикнул и отшатнулся, а потом понял, что это не монстр, не тварь, а просто огромное пятно на потолке, и прямо под ним – Учитель, обхвативший колени, с широко распахнутыми глазами, совершенно черными. Он страшно громко дышал, будто бы у него не легкие были внутри, а кошмарный механизм...

Саша подбежал к нему, столкнулся с кровати и потащил на улицу, на воздух, закричал на Марию, и та стала помогать ему, а Учитель ничего не понимал, только отталкивался от земли ногами, и задыхался.

Его вынесли на улицу, бросили на скамейку, ту самую зеленую скамейку, сели рядом с ним и схватили его за руки, чтобы он не убежал, не ушел, было тепло, был почти уже май, и воздух был тоже свеж, особенно сейчас, после дождя. Учитель дышал, сначала тяжело, а потом все спокойнее, но

он до сих пор дрожал, и это было не от болезни.

– Я буду говорить.

Он сказал это не без труда, но ровно и в голос, и продолжил так же. Его слушали.

– Мне снился сон, будто мы все знаем, как найти счастье, будто у нас в руках – ключ от вселенной. Мне снилось, что мы открыли наконец тайну и вышли за пределы желаний наших тел. Это была больница, да, я больницу видел в своем сне, и там были все мы, и еще люди, которых вы не знаете, даже ты, Солнце мое, не знаешь, это с моего детства... Да, оттуда мы должны были начать наш путь, наш путь в вечность, оттуда должна была родиться река, но человек был побежден животной привычкой, и мы оставались там, теперь без ограничений в своих потребностях. Мы ели и пили вдоволь, и всего у нас было много, если бесконечность – это много. Водили еще какие-то бешеные хороводы... Что-то мерзкое помню. Я хотел крикнуть, чтобы прекратили, я хотел показать, куда уйти, но увидел вдруг себя со стороны – и сам я был по пояс в болоте, а остальные чуть выше, а некоторые даже по щиколотку, и я понял, что не мне вести этих людей, потому что я еще даже хуже.

Он все распался, и смотрел куда-то вдаль, сквозь беседку и дом, и говорил, и говорил, и голос его был как камнепад.

– Тогда я проснулся, и мне стало понятно, что я – никто. И мне еще долго после пробуждения было так омерзительно сытно, будто бы я действительно во сне все обрел и все жрал,

и тогда я понял, что это был не сон, что мы и сейчас в нем, мы в нем!

Он встал и обвел рукой дома и небо, засмеялся истерически.

– Это век переизбытка, это век изобилия, бьющего из всех щелей! Сейчас каждый первый богаче каждого сотого двести лет назад, сейчас каждый второй – писатель, поэт или художник, и все как мухи о стекло бьются, хотя можно и облететь! А те, что не творцы, те упираются и смотрят туда, куда человек вообще не может смотреть, правда, их примагнивают блестящим, будто сорок, развлекают, словно детей, и хорошо бы, если это все были хорошие дети, так они еще и злы после этого... У каждого в кармане мир, а они живут в квартире. И доказали ведь уже, что вредны и наркотики, и алкоголь, и сигареты, так кого останавливает? Ведь все знают! Да, каждый богат, хоть по шажкам от идиота к гению дойди, а не доходят даже и до человека, хотя и идиот им быть может, чего уж тут...

Учитель чуть ли не упал на скамейку. Мария коснулась его плеча.

– Я ведь знаю, что максималист, хотя бы уже и двадцать семь мне... Но я ведь ничего плохого не делаю! Какие у нас чудесные дети растут, правда, Саша? Ты же видел?

– Да, они очень хорошие.

Учитель говорил теперь тихо. Он не плакал, и видно было, что не заплачет, это был не тот человек – он просто устал.

– Мы ведь, Мария, хорошие... Ты у меня солнышко. Я и Сашу учу, и он тоже многое понял, и полезный теперь всем. У нас все во дворе хорошие, так уж вышло. Ну почему надо мной можно смеяться, если я правду говорю? Максималист... Да я же ничего и не требую, кроме того, чтобы себя меньше любили, чем других. А представляешь, Саша, меня ж выгнали!

Учитель рассмеялся и хлопнул в ладоши. Саша спросил осторожно:

– Откуда выгнали?

– Да, одного мальчика к экзаменам готовил. Литература – это мораль... Он над моралью засмеялся. Я ему сказал, что так и так, это все хорошо, что в книге, что это любовь была, а он смеется и смеется, и мать его пришла, тоже смеется, так меня и выгнали, если коротко. Хорошо еще, не сказал, что я верующий. Так бы облаву устроили. Материалисты! Но с них хоть по тысяче было...

Он замолк. Молчали где-то минуту. И вдруг взорвался.

– Да как можно, чтобы все исказили так?! И все все понимают, и все хорошие, и друзья неплохие, и работники, у иных второе высшее, а до сих пор не понимают – и это после Толстого, Тургенева, Куприна, Бунина, Шолохова, да даже Есенина, ну ведь все уже рассказали, все поняли наши гении, ведь уже Достоевский был! Гений! И никто не спорит, что гении, что правы они, но все продолжают, и все подменяют...

Силу они превратили в бешенство, в зверство,

Патриотизм флагом связали,

Родину до рожи сузили, до рожи откормленной, черной машины и пиджака, теперь и любить-то нечего, о родном доме умолчали, все зовут шесть букв любить да буковки, да аббревиатуры, а не суть – все у человека забрали, оставили ему пропаганду и символы!

Щедрость души слабостью и телячьей нежностью уже называют, цинизм как щит носят,

Да не верьте вы в Бога, в человека верьте, никто вас не накажет, не обидит, всем одинаково здесь, да вы же ведь и в человека не верите! Ведь знаете, что он есть, а не верите...

Учитель закрыл лицо руками и часто-часто задышал.

А потом сказал спокойно и серьезно, как говорил в обычные дни:

– Да знаю я, что неплохо нам живется. И правда, не только из мрака жизнь состоит. Я видел удивительные примеры человеческой доброты и самоотверженности, и мир этот органичен и прекрасен в своей безобразии, и можно ту страну полюбить, где бандиты с олигархами у власти, где сериалы с одним сюжетом, где дороги плохие. Можно! Это тоже есть. Две у нас России – одна святая, вторая везде. Да и нет ничего удивительного в том, что не любят Россию. Ведь знают только ту, которая везде. Ну как ты ее полюбишь, если не псих, если чистый у тебя разум? Есть, правда, и психи. Но не молодежи же ведь с ума сходить? Что делать тогда? Да только и делать, что показывать Россию настоящую, красивую, ум-

ную, щедрую, мудрую, рабочую. Понимаешь ли ты, Саша?

Саша молча кивнул. Учитель похлопал его по плечу.

– Ну так иди к своим. Мать тебя ждет. И сестра тоже. Они тебя любят. А теперь это поняли. И ты это понял. Но ты умнее будь – больше люби... И просто так люби. А к нам заходи. Когда поймешь, что нужно. Да и так. Просто.

– Лев, я...

– Я отсюда не уеду. Спасибо за приглашение. Мне это нужно.

Он грустно улыбнулся и посмотрел на Сашу. Саша не мог спорить.

– Хорошо...

Уходя, он спросил:

– А как же мне учить их?

Тогда Лев обнял Марию и ответил, улыбаясь.

– Люби их больше, чем себя. Тебя могут любить или не любить, это так... А если ты любить будешь, честно любить, без расчета на взаимность, то все у тебя получится.

– Выходит, он был прав, даже если его не было.

– Он был. Можешь мне верить. Я знаю.

Саша сидел у окна и смотрел на поля желтой травы. Где-то в конце пустыря, слева, строили еще высотки. Близился вечер. Саша задумался о том, что с десятого этажа хорошо

видно мир. Рядом с ним сидела сестра и держала его за руку. Он все смотрел, смотрел на ветер, смотрел на солнце, на желто-голубое небо, на почти прозрачные облачка.

Во дворе упитанный мужчина в пиджаке жег деньги в урне.

Грелся.